

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

книги
Франка Тиле

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Монреальский синдром

Гатака

Атомка

ФРАНК ТИЛЬЕ

АДСКИЙ
ПОЕЗД
ДЛЯ
КРАСНОГО
АНГЕЛА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez
TRAIN D'ENFER POUR ANGE ROUGE
Copyright © Editions Pocket, un département
de Univers Poche

Перевод с французского Марии Брусониани

Оформление обложки Вадима Пожидаяна

ISBN 978-5-389-14884-0

© М. И. Брусониани, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление,
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Эстебану

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Дорогой читатель,

созданию книги зачастую предшествует желание. Желание поведать какую-то историю, заново испытать острые ощущения, вдохнуть жизнь в порожденных воображением персонажей и одарить их роскошной судьбой. Существует мнение, что романист пишет истории, которые хотел бы прочесть сам, и, сдаюсь мне, именно это подвигло меня в 2002 году впервые взяться за перо. После первого опыта — опубликованного в Интернете романа «Звериное сознание» — я принялся за повествование, благодаря которому за мной навсегда закрепится слава автора чернухи, не оставляющей места надежде. Вышедший в крошечном издательстве «Rail noir» роман «Адский поезд для Красного Ангела» — это результат года поисков, изучения документов и тяжелого писательского труда. Роман затрагивает темы, о существовании которых я прежде даже не догадывался, а они, оказывается, очень даже существуют с изнанки нашего общества. Там, куда лучше бы не соваться... Трудности, встретившиеся мне на пути написания книги, несколько не тормозили моей работы, скорее наоборот. Лихорадочное желание писать стало таким обжигающим, что через четырнадцать месяцев я уже заканчивал «Комнату мертвых». Это жесткий, суровый, затрагивающий социальную проблематику рассказ и одновременно выражение признательности северу Франции, где я живу. Это произведение заставило меня решительно осознать, что я уже никогда не брошу писать. Во мне поселился вирус.

Через полтора года после своего рождения Шарко, этот беспокойный персонаж романа «Адский поезд для Красного

Ангела», все никак не мог оставить меня в покое. Я ощущал его вот тут, в себе, он настойчиво взывал ко мне, как призраки, что приходят тревожить своих близких. И тогда я подумал: «Ну что же, вперед!» Шарко гуманен, но очень суров. Хорошо бы придумать для него достойную историю, закрутить дьявольскую интригу, которая подвергла бы испытанию на прочность его наиболее стойкие качества. И наиболее уязвимые. Именно так я написал «Медовый траур», уже опубликованный в «Rail poig» в 2006 году; в 2008-м он был напечатан в «Poquet».

Таков контекст книги, которую вы сейчас держите в руках. Прежде чем вы погрузитесь в нее и ощутите первый озноб от шелеста ее страниц, хочу предостеречь вас: реальность зачастую превосходит вымысел.

Франк Тизье

ПРОЛОГ

Теплые потоки летней грозы с неистовством обрушиваются на скользкие мостовые Старого Лилля. Вместо того чтобы искать укрытия, я слежу за пробирающимися между плитками охряной черепицы струйками воды, за жемчужно-серебристыми каплями, повисающими на водосточных трубах, чтобы, оторвавшись, плясать в моих ушных раковинах. Мне нравится вдыхать запахи старого кирпича, чердаков и чуланов. Здесь, среди бесшумно лопающихся пузырьков воды, все напоминает мне о Сюзанне. Я поднимаюсь вверх по улочке, которая, точно коридор времени, ведет меня к ней. Я сворачиваю за угол, на улицу Солитер, и непреодолимая сила втягивает меня в бар «Немо». Я заказываю светлого бельгийского пива. Тлеющие угольки красным пламенем вспыхивают в глубине глаз хозяина заведения, их отсветы будоражат воспоминания, приводят их в движение, пока не всплывут в сознании, казалось бы уже умершие, моменты жизни. Он поджимает губы. Похоже, эта умственная гимнастика дается ему нелегко. Думаю, он узнал меня.

Одиннадцать вечера. Уставившись в спящий глаза экран электронного будильника, я бестолково ворочаюсь в постели. Ощущение пустоты в том месте постели, где должна быть Сюзанна, заставляет меня встать и набрать ее номер. Я слышу бесцветный женский голос автоответчика. Прижав стиснутую в кулак руку к губам, я звоню в научную лабораторию, где она работает. Ночной охранник говорит, что она ушла час назад. От Л'Э-ле-Роз до нашей пятикомнатной квартиры в Вильжюиф десять минут ходу...

— Мы знакомы? — поинтересовался хозяин заведения, взгляд которого тонул в моем бокале.

— Нет, — односложно ответил я, унося свое пиво к уединенному столу в укромном уголке кафе, откуда полумрак выдавил весь свет.

Снаружи, под защитой тента, прижимаются друг к другу влюбленные. Длинные золотисто-каштановые волосы девушки развеваются на ветру, как бахрома, которой иногда украшают велосипедный руль. Оба в молчании прислушиваются к шуму дождя; говорят лишь их бережные движения. В девушке я узнаю Сюзанну, какой она была двадцать лет назад, однако, поразмыслив, понимаю, что мне повсюду мерещится Сюзанна, какова бы ни была девушка, сколько бы ей ни было лет...

Страх сжимает мне горло, как удавка убийцы. Я знаю, они бродят везде, эти садисты с длинными ножами, эти насильники, нападающие на пожилых дам и детишек. Я посмотрелся на них в кабинетах Судебной полиции на набережной Орфейер. Безупречно причесанные, они сотнями проходили перед моими глазами со своими аккуратно повязанными галстуками. Они выползают на улицы как паразиты, они так ловко смешиваются с темнотой, что становится почти невозможно уловить их запах. Ненавижу их и буду ненавидеть всю жизнь.

В подвале, на паркинге, при виде разлетевшихся по земле мелких стеклянных осколков я едва справляюсь с приступом тошноты. Камера наблюдения разбита. Она свисает на электрическом шнуре неподвижным безмолвным свидетелем худшего. Я торопливо иду к тридцать девятому месту. В тишине бетонного склепа отчетливо слышен лишь звук моих шагов... Крошечный кусочек металла раздирает мне сердце, точно разрывная пуля: возле стены валится невидимка, вроде тех, какими Сюзанна обычно закалывает волосы у висков. Я бегу по подземному паркингу, задыхаясь, поднимаюсь по лестнице, обследую площадки, в последней надежде защититься от того, чего так боюсь, стучу в двери жильцов. Наконец хватаю телефон и набираю номер Центрального управления поиска пропавших без вести. Злобный голос отвечает, что сегодня уже слишком поздно...

Я познакомился с Сюзанной здесь, в этом кафе, среди клубов табачного дыма и непрерывного шума голосов военных, приписанных к Сорок третьему пехотному полку. Оказалось, что мы оба из района горнопромышленного бассейна. Наша одежда впитала запахи шахтерских поселков, а обувь покрывала угольная пыль. Родители воспитали нас в безрадостном и тусклом ощущении бедности, хотя обладали самыми прекрасными сокровищами души. Обожаю эти бурые земли, их простых и великодушных обитателей. А теперь, когда Сюзанна больше не спит у меня под боком, кажется, люблю их еще больше.

Где-то там, в глубине, какая-то неумолимая частица моего сознания неустанно нашептывает мне, что она мертва, что после стольких месяцев и всех этих скорбных дней иначе и быть не может...

Прошло полгода, а я по-прежнему иду свою жену. Она часто навещает меня во сне. Она спускается откуда-то сверху, опережаемая ароматом своих духов. Они, словно детские ручки, гладят мне волосы. Но всякий раз, стоит нам встретиться взглядами, из ее глаз сыплются бритвенные лезвия, с губ и носа срываются тонкие, как соломинки, змеи, а из зияющей на груди раны исходит смрадный дух смерти.

Взяв сумку, я достаю из карманка мобильник в надежде, что меня не ждет в нем никакого сообщения, которое могло бы лишить меня последнего дня отпуска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой шеф, окружной полицейский комиссар Мартен Леклерк, просил меня срочно вернуться на набережную Орфевр. Обнаружено зверски изуродованное тело без признаков жизни...

Длинный Мартен Леклерк весил, наверное, едва ли больше пустой пачки из-под чипсов. Из-за почти полного отсутствия плоти у него под кожей так сильно проступали сосуды, что он мог бы привлечь к своей персоне всех вампиров планеты. Один вид этого персонажа поезда-призрака усиливал впечатление от его хлестких речей, и, насколько мне известно, никто никогда не осмеливался перечесть ему. Ни разу я не видел, чтобы кто-нибудь из прошедших через его руки подозреваемых покидал кабинет хотя бы с тенью улыбки.

— Комиссар Шарко, это дело дурно пахнет, — заявил он мне, постукивая по папке карандашом. — Преступление совершено способом, далеким от классического. Черт возьми, эти убийцы хуже вируса! Одного завалишь, эстафету подхватывает другой, в два раза хуже первого. Взять хотя бы чуму или оспу, холеру или, наконец, испанку. Зло словно подпитывает себя за счет собственных поражений.

— А может, расскажете мне о жертве?

Шеф предложил мне жвачку с хлорофиллом. Я отказался. Он принялся шумно жевать, его скула под выступающей на правом виске веной — настоящая автотрасса! — нервно задвигалась, готовая все сокрушить.

— Мартина Приёр, тридцати пяти лет, убита в собственном доме. Ее муж, нотариус, в прошлом году скончался от опухоли мозга. Она получила в наследство кучу всего, включая кругленькую сумму, на которую была застрахована его

жизнь. И жила в сельской тиши на проценты с капитала. С виду совершенно обычная молодая женщина.

— Месть или кража, принявшая дурной оборот?

— Совершенно очевидно, что преступник следовал какому-то необычному ритуалу, его метод, похоже, исключает месть. Разбирайся, потом расскажешь... Она живет... жила в уединенном месте, что явно не облегчит расследования.

Он выплюнул резинку в пустую пепельницу и сразу зачихнул в рот следующую.

— Решено передать дело в Центральное управление судебной полиции. После покушений в Штатах и Тулузе, после шаек вроде «Экспедиторов» и других шутников, наши драгоценные умные головы не желают, чтобы страна стала тренировочной площадкой для всяких отморозков! Мы получили «добро» от прокурора Республики. Следственным судьей назначен Ришар Келли. Ты его знаешь. Симпатягой его не назовешь, но ты не стесняйся и добивайся от него чего положено.

Он бросил на письменный стол карту:

— Встречаетесь в Фуршере. Тебя там ждут Сиберски, Кромбе и комиссар соседнего городка. Найди мне его поскорей...

— Не крутовато ли для Сиберски? От него, как вам известно, в сто раз больше толку за компьютером, чем на месте преступления.

— Поверь мне, Шарк, это убийство его слегка расшевелит...

Минувя лес Эрменонвиля, я ощутил, как ослабла хватка бетонных щупалец столицы. За Санлисом я выехал на автостраду 330, затем свернул на 113-ю и, проделав добрую сотню километров, окунулся в нереальное спокойствие Фуршера. Перед моим взором, словно на вырванной у времени пожелтевшей старинной фотографии, солнце заливало волнами золотистого света скирды соломы. Последний день роскошного лета, начало обещающей быть теплой осени...

Городок словно погружен в бдение над гробом. Узкие улочки пустыньны. Следуя по карте, после трех межевых столбов в чистом поле, где даже коровы были редкостью, я добрался до особнячка Мартины Приёр. Специалисты научно-технического подразделения полиции корпели над предполагаемыми отпечатками протекторов, осколками стекла или следами обуви, а инспекторы из Центрального управления впряглись в щекотливую и нудную работу по опросу соседей. Предъявив караульному свое трехцветное удостоверение, я у самого входа присоединился к двум офицерам из криминальной полиции, стоявшим возле похожего на ожившую кеглю для боулинга комиссара Бавьера. Холодные сталактиты страха туманили блеск его глаз. Он сразу напомнил мне пузатого заправщика с бензоколонки посреди поля с ветряками где-нибудь в самом сердце Штатов. После краткой процедуры приветствий я приступил к делу:

— Итак, комиссар, что мы имеем?

Прежде чем заговорить, Бавьер прокашлялся. Ледяные тиски ужаса сжимали ему горло.

— Тело Мартины Приёр без признаков жизни обнаружено разносчиком газет Адамом Пирсоном сегодня в пять тридцать утра. Входная дверь была распахнута настежь, но свет выключен. Он покричал, затем вошел, не дождавшись ответа, обеспокоенный, по его утверждению, тишиной и темнотой. По-прежнему окликая хозяйку, он поднялся по лестнице. Там он ее и увидел...

Нахлынувший шквал жутких мыслей прервал его доклад.

Я вернул его к прерванному рассказу:

— Прошу вас, комиссар, продолжайте...

— Мои люди прибыли на место первыми, затем к ним присоединились специалисты из научно-технического подразделения, судмедэксперт и ваши инспекторы. Вынос тела произведен около полудня.

— Так поздно?

— Сейчас вы поймете почему... Пойдемте.

Он собрал носовым платком слой жирного пота, залепившего ему виски. Точно сочащееся из гамбургера и жареной картошки масло...

«Бедолага с бензоколонки...»

Баньер добавил:

— Боже мой... даже без трупа спальня вполне сойдет для следующего фильма Уэса Крэйвена¹.

Лейтенант Кромбе вышел из дома, чтобы руководить расследованием на улице, в частности опросом соседей. Поднимаясь по лестнице, я спросил Сиберски:

— Ну что, разберемся?

— Комиссар Баньер прав. Я такого никогда не видел. Даже по телику...

Я все испробовал. Прыгал с парашютом, на тарзанке, катался на самых жутких ярмарочных аттракционах, бешено гонял на мотоцикле. И все же ничто не потрясает меня так, как отражение сцены преступления на сетчатке моего глаза. До сих пор затрудняюсь выразить, что воздействует на меня до такой степени. Может, страх или попросту свойственный человеку рефлекс, не дающий ему возможности выносить образ страха в его самом ошеломляющем проявлении.

Я никогда не рассказывал Сюзанне об этих кровавых взрывах, оставляя их при себе как самые черные страницы книги моего бытия. Приходя домой чаще всего поздно вечером, я старался, едва переступив порог, абстрагироваться от своей дневной жизни. Но нам никогда не избавиться от сорняков, пока мы выдергиваем их по стебельку.

И каждую ночь, стоило моему рассудку пуститься в плавание по волнам сновидений, на берег сходилла тяжелая кавалерия кошмаров, чтобы до завтрашнего утра вести наступление на меня. И моя семья страдала от этого, как страдают все семьи, в которых работа преобладает над чувствами...

¹ Уэсли Эрл «Уэс» Крэйвен (Wesley Earl Craven; р. 1939) — американский кинорежиссер, продюсер, сценарист. Культовый режиссер фильмов ужасов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В центре комнаты, в изменчивом сумеречном свете подрагивали восемь стальных крюков, подвешенных к собранному у основания в пучок шнурам. Конструкция напоминала злоедейский детский развивающий коврик. Ее подъем, соответственно вместе с насаженной на металлические крючья массой, осуществлялся при помощи пропущенного через сложную систему узлов и блоков более толстого шнура, свисающий сверху конец которого был кольцами свернут на полу. Отвердевшая плоть тела, которое я представлял себе подвешенным, должна была лопнуть, словно перезрелый плод, и под каждым бугорком фрагментов еще вздувшейся разорванной кожи поблескивали искрящиеся капельки. Красноватые брызги, словно созданные творческим порывом, до самого потолка веером разлетелись по западной стене, как будто кровь пыталась спастись бегством из наводящего ужас собственного тела.

Фотограф из технического подразделения прервал свою кропотливую работу, чтобы доложить мне о первых результатах осмотра:

— Обнаженное тело жертвы было подвешено в двух метрах от пола на крюках, пронзивших кожу и часть спинных и ножных мышц. Два крюка на уровне лопаток, два — на уровне поясницы, два — на задней поверхности бедер и два в лодыжках. Помимо этого, жертва была связана пятнадцатью метрами нейлонового шнура, да такими мудреными переплетениями, что так просто и не объяснить. Сами увидите на фотографиях и видеозаписи.

— В каком состоянии было тело?

— Судмедэксперт обнаружил на теле, от груди до ступней, и на руках, включая кисти, сорок восемь резаных ран. Нанесены, по всей вероятности, фрезой или чрезвычайно остро заточенным ножом. Голова лежала на кровати, лицом к собственному телу. Предположительно отрезана электроплой. Об этом свидетельствуют полосы, оставленные от вращения режущей поверхности. Убийца обложил череп не-

сколькими простынями, соорудив некое подобие чепца или капора...

Я присел возле кровати, мои глаза оказались на уровне матраса. Справа от меня стена, словно красными слезами, забрылганная засохшими каплями крови...

— Голова располагалась с этой стороны?

— Совершенно верно. Судмедэксперт подтвердит. Однако, похоже, глаза были вырваны из орбит, а затем вставлены на место таким образом, чтобы направить зрачки в потолок. Чтобы рот оставался открытым, между верхней и нижней челюстью были в качестве рычагов просунуты два куска дерева. Множество мелких надрезов соединяли губы с висками. Судмедэксперт также обнаружил ушиб в затылочной части черепа; это позволяет предположить, что жертва была оглушена или убита сильным ударом.

Светящиеся лучи заходящего солнца продолговатыми ранами проборождали стены. Горечь переполняла меня. Притаившийся в темноте демон, свирепый зверь, жаждущий жестокости, в непроницаемых пеленах ночи вершил свой страшный ритуал, оставляя за собой только скорбную землю, разоренную и спаленную его яростью.

— Имело ли место изнасилование?

— На первый взгляд, нет. Следов пенетрации не обнаружено.

Неожиданно. Как оплеуха ваотмашь. От спальни на сто верст разлило сексуальным страданием. Обнаженная, связанная жертва, истязания... а изнасилования не было?

— Вы уверены?

— Это требует подтверждения... Однако никаких видимых признаков пенетрации.

Я обернулся к Сиберски:

— Есть ли следы взлома?

— Нет. Дверной замок, а также окна не несут никаких следов повреждения.

— Что удалось обнаружить вне дома?

— Наши люди нашли одну улику за лавровым кустом. Раздавленную раковину улитки и множество растоптанных насекомых: муравьев, крошечных паучков. Что позволяет предположить, что убийца сидел там в засаде.

— Ладно. Посмотрим, что покажут соседи. Что еще?

— Все данные в компьютере Приёр стерты. Невозможно получить доступ хоть к какой-нибудь информации. Жесткий диск отправлен в лабораторию.

— Интересно. А чем нам смогли помочь специалисты научно-технического подразделения?

Я заметил, что комиссар прислушался. Пот корками засыхал на его напоминающем сахарную голову затылке. Отвратительный, как гниющая на солнце помойка.

— Невидимого тут видимо-невидимо, — заметил технический специалист. — Повсюду отпечатков — как на Лурдской Богоматери. На спинках кровати, на комод, на полу, на рамах. Зато мы не обнаружили ни волос, ни волокон или фрагментов кожи ни под ногтями жертвы, ни где-либо еще.

Свернутым в трубочку пластиковым пакетом для вещдоков он указал на металлический мобиль:

— Сооружение, при помощи которого ее истязали, — шнуры, блоки, крюки — отправится в лабораторию, как только я закончу детальное описание места преступления.

— Прекрасно. Каковы твои первые выводы, Сиберски?

Лейтенант воспользовался заданным ему вопросом, чтобы, приблизившись ко мне, отвести свой нос подальше от резкого запаха, исходившего от комиссара Пузана.

— Убийца с особым тщанием подготовил место преступления. Уединенно живущая, не состоящая в браке жертва, в момент его вторжения пребывающая в одиночестве. Он не скупился в выборе орудий. Дрель, болты, шутиры, шурупы... Короче, полный набор для того, чтобы оборудовать себе «игровое поле». Громоздкий инструментарий, что подтверждает исключительность давнего преступления. Ритм его вторжению задавали организованность, контроль и точность.

— Из чего это следует?

— Он не слепил. Мало кто из убийц может себе это позволить. Монтаж подобной системы, способ, каким он связал жертву, доказывают, что он в совершенстве владеет своими эмоциями, что никакой посторонний импульс не заставит его ускорить события или совершить ошибку.

— Например, сексуальное влечение... — Я поскреб под бородок. — Как ты думаешь, зачем он оставил дверь открытой?

— В классической ситуации я бы сказал, что причиной тому поспешность или оплошность. Но только не в нашем случае. По моему мнению, он хотел, чтобы тело обнаружили как можно раньше.

— Точно. А для чего?

— Ну... Не знаю... Чтобы доказать нам, что он нас не боится?

— Тебе знаком художник восемнадцатого века Ванлоо?¹

— Пожалуй, нет.

— Шарль Амедей Ванлоо увековечивал на холсте переходящие детали нашей повседневной жизни, такие как мыльные пузыри, карточные домики, свет утасовывающего фонаря... Он придавал ценность этим обыденным вещам, удерживая их в прекрасной мимолетности. Что удивительного в рассыпавшемся карточном домике, лопнувшем мыльном пузыре или погасшем фонаре? — Я отодвинулся от окна, за которым неистовствовали последние яркие лучи заката. — Если бы мы обнаружили тело спустя несколько дней, нас бы вывернуло наизнанку от невыносимого запаха. Разложение сделало бы вид тела отвратительным, а возможно даже, останки сорвались бы с крюков и расплющились об пол. Полагаю, тогда эффект, ожидаемый нашим «художником», был бы испорчен.

¹ Шарль Амедей Ванлоо (Carl Van Loo; 1705–1765) — французский живописец, самый известный из династии Ванлоо, происходившей из Голландии и обосновавшейся во Франции во второй половине XVII в.

— Вы хотите сказать, что... он подписал свое преступление как некое произведение искусства?

— Скажем так он особенно тщательно позаботился о композиции сцены преступления.

Пузан производил на меня впечатление пришельца из страны, лишенной водоемов и гор, зелени и голубого неба. Оторопелый ребенок, перед которым внезапно открылись глубинные истоки жизни.

— Комиссар, сколько у вас людей?

— Пятеро.

— Вот так армия! — вздохнул я. — Ну что же... Тогда приналягте на опрос соседей. Я хочу знать все об этой женщине. Где она бывала, с кем встречалась, ходила ли в гости и к кому. Посещала ли библиотеку, церковь, бассейн? Ознакомьтесь с кругом ее чтения, ее телефонными счетами, проездными билетами. Короче, меня интересует все, что имеет к ней отношение. Кроме того, вы в кратчайшие сроки доложите мне, где можно раздобыть подобное оборудование, в частности блоки и карабины, в столь внушительном количестве, а также все эти снасти и крюки. Обойдите местные клубы скалолазов. Опросите кассиров ближайших супермаркетов, скобяных лавок, аптек. Кто знает, может, наш душегуб имеет какую-то привлекающую внимание отличительную черту. Ничем не следует пренебрегать. Поскольку вы не слишком опытни в уголовных делах, за расследованием будет наблюдать кто-нибудь из наших. Готовы ли вы, комиссар?

Повисшие кончики его усов вздрогнули, как прутик лозоходца.

— Целиком и полностью!

— А мы с вами, Сиберски, прежде чем нанести визит судмедэксперту, чем-нибудь перекусим. Начальство предупредило меня, что Ван де Вельд ждет нас в своей берлоге к десяти вечера...

— Я... мне обязательно идти с вами?

— Давно пора оторваться от компьютера и базы данных... Первое вскрытие, на котором ты лично присутствуешь, — это как впервые выдрать зуб. Потом вспоминаешь об этом всю жизнь...

* * *

Вскрытие начинается с детального осмотра обнаженного трупа, за ним следует описание состояния кожных покровов, основных физических характеристик, а также видимых признаков смерти. Строгая процедура требует осмотра обратной стороны трупа, включая волосяной покров...

Попадая в прозекторскую, я всякий раз ощущал, как распадается мое естество, словно невидимая волна бьется во мне, отделяя человека от полицейского, верующего от ученого.

Человек молча, с отвращением наблюдает за совершающим слишком механические, слишком формальные действия профессионалом, защищенным перчатками и злым лицом. Человек знает, что ему нечего здесь делать, что это крайнее оскорбление для тела, для всего человеческого, что это порочит его и будет преследовать в мыслях, в сновидениях всю жизнь, до самого смертного порога.

...После внешнего осмотра происходит собственно вскрытие.

Волосяной покров: рассечен по линии, идущей через макушку от одной позади ушной области к другой; с обеих сторон стянут вперед и назад; свод черепа распилен по окружности, захватывающей лоб, виски и затылок, открывая оба полушария головного мозга. Дополнительный осмотр после отслоения твердой мозговой оболочки: непосредственное обследование кости, поиск переломов, смещений или труднее поддающихся обнаружению следов сколов и трещин...

Человеку хочется сжать в объятиях это распростертое на столе из нержавеющей стали тело, тихонько опустить ему веки, лас-

ково коснуться рукой его губ, чтобы они улыбнулись в последний раз. Верующий мечтает накрыть его узорчатым полотном, а потом, прежде чем увести его куда-то вдаль, под сень кленового и дубового леса, прошептать ему на ухо вежливые слова.

...Длинный срединный разрез от подбородка до лобка. Кожа и мышцы раздвинуты по обе стороны грудной клетки и брюшной полости; ключицы и ребра распилены при помощи костотомом¹. Шейные мышцы: рассечены послойно... Язык аккуратно притянут внаиз. Пищевод, трахея и сосуды разрезаны...

Полицейский защищает себя шорами, пытается не замечать анатомические весы с острым крючком для взвешивания органов, изумрудно-зеленые кубики мышц брюшной полости трупа, страшную резню, учиненную судмедэкспертом над тем, что было человеком. Благодаря магическому действию антисептиков, под латексной пленкой или бумажным респиратором, он смягчает реальность, делает ее более терпимой. Потом он прислушивается к тому, что говорит ему сама Смерть, что-то записывает, задает технические вопросы, ответы на которые помогут расследованию. Труп становится предметом изучения, потухшим вулканом, пересеченной местностью, в каждой складке которой таится жуткая история его последних минут. Раны шепчут, синяки и кровоподтеки складываются в странные узоры, так что, приглядевшись повнимательнее, можно обнаружить мрачные глаза убийцы или блеск остро заточенного лезвия.

...Взвешивание всех органов перед препарированием. Забор крови для токсикологического исследования (по правилам он производится из крупных сердечных сосудов)...

Но тут полицейский и человек задумываются о Сюзанне и, точно подсознательный образ, возникший перед их глазами, внезапно обнаруживают ее здесь: обнаженную и белую как мел, распластанную на столе вместо этой неизвестной де-

¹ Костотом — реберные ножницы.

вухки. Может быть, где-то поблизости или на другом конце страны, в опраге или в хрустальных водах какой-то речки, ее тело ждет, чтобы его избавили от страданий, чтобы рука милосердия оказала ему услугу, осторожно упокоив в мирном и безмятежном месте.

Полицейский и человек пытаются вспомнить жаркое тепло ее тела, его аромат и бесконечную свежесть ее поцелуев, но фильтрующие сетки отталкивают лучшее, чтобы пропустить худшее. Воздух здесь смердит протухшей падалью, в душливой атмосфере не смогла бы пролететь бабочка. Здесь зло призывает зло, жестокость порождает зверство, вера и то, что делает человека прежде всего человеком, поруганы наукой. Здесь, в жалящих лучах искусственного освещения, темно, как в гробу.

...Третий ход. Вскрытие желудка по поверхности большой кривизны для исследования и консервации его содержимого. Изъятия: печень, селезенка, поджелудочная железа, кишечника, почки.

Осмотр внутренних женских половых органов. После эвисцерации¹ целостное обследование скелета в целях обнаружения всех костных повреждений.

Поймав себя на надежде, что своими откровениями труп положит конец моим собственным мучениям, я осознал, что этот факт характеризует меня как худшего из самых злых преступников...

Многих интересовала частная жизнь лучшего специалиста Парижского института судебно-медицинской экспертизы Станисласа Ван де Вельда. Кое-кто подозревал, что он предается фантазиям над сменяющимися друг друга на препараторском столе трупами, испытывая некрофильское влече-

¹ Эвисцерация – извлечение внутренних органов трупа с целью их детального изучения.

ние к патологии и гниющей плоти. Тогда как другие, видя, что он день и ночь сидит взаперти в своем фаянсовом склепе, представляли его каким-то зверем преисподней, замкнувшимся в мрачных глубинах доведенной до крайности науки.

Лично я, вопреки злым языкам, считал этого человека, с черными, как уголья, глазами на выразительном лице и остроконечной бородкой, стремящимся к истине профессионалом, современным инквизитором, счищающим внешние наслоения, чтобы обнаружить скрытую под ними суть. Ученым, преследующим те же цели, что и я.

Возле меня устроился лейтенант Сиберски с белым от антисептика кончиком носа и лицом, в каждой мельчайшей морщинке которого читалось беспокойство. От ужаса при виде наготы растерзанного трупа и стекающих жидкостей, проложивших себе дорожку вдоль всего стола до слива, он весь покрылся гусиной кожей.

Второй медик бормотал что-то в диктофон, согнувшись в три погибели в глубине зала и подперев щеку рукой. В знак приветствия он лишь устало махнул нам.

Возле анатомических весов я поставил пакетик с кунжутом:

— Это для вас. Потом съедите...

Ван де Вельд ответил мне ледящей душу профессиональной улыбкой судмедэксперта:

— Спасибо, господа. У меня для вас труда новостей. Этот труп — золотая жила.

Сравнение показалось мне неуместным. Как если бы кто-то прикатил на похороны в ярком костюме и бросил что-то вроде: «Я ж предупреждал его в тот вечер, чтобы он не сиделся за руль...»

— Мы все внимание, доктор, — бесцветным голосом ответил я. — Расскажите самое важное, старайтесь избегать ненужных подробностей.

— Отлично. Итак, — Ван де Вельд кивнул, — процесс трупного окоченения не мог протекать нормально, поскольку

стягивающие жертву шнуры удерживали тело в вынужденном положении. Поэтому мне трудно определить точное время смерти, однако, судя по синюшной окраске трупа, а также по результатам глубокого ректального измерения температуры, произведенного на месте преступления, я бы сказал, что смерть наступила между часом и тремя ночи.

Он обошел стол, словно чемпион по бильярду, раздумывающий над положением своих шаров.

Обведя помещение взглядом, я разглядел осколки костей даже на лампе с зеркальным отражателем под потолком. Ножницы, кусачки, молоток-секач, хирургическое долото Мак-Ивена, ножи для рассечения мозга пускали с хирургических столиков странные голубоватые металлические лучики. Я тайком сжимал кулаки, пока судмедэксперт излагал свои выводы в точных и выверенных, как грани пирамиды, выражениях.

— Удар по голове, произведенный плоским широким предметом, не повлек за собой смерть. На месте преступления кровь из сонной и позвоночной артерий разбрызгана даже по стенам. Следовательно, голова была отрезана, когда сердце еще билось.

Сиберски шумно сглотнул:

— Отрезана каким образом?

— Я к этому и веду. Тончайшие металлические частицы, обнаруженные в районе подъязычной кости, а также ее четкий распил не оставляют сомнений относительно использованного инструмента: это пила Шарьера или пила Саттерли, точно такие же, как те, что используются при вскрытии.

Он отошел от стола, чтобы взять из стального кювета несколько доскутков сердца. По дороге он проглотил пригоршню кунжутных зерен. Пытаясь избежать страшного зрелища, Сиберски не поднимал головы от своих записей. Но я был уверен, что, несмотря на все усилия, изувеченный труп стоял у него перед глазами, неизгладимо запечатлеваясь на его сетчатке.

Указав на пилу, я спросил судмедэксперта:

— А где можно достать такой инструмент?

Зернышки застряли у него между зубами и в углубленных десен. Щелкнув языком, он избавился от большей части из них.

— В специализированной компании, например «HYGE-SO»¹. Можно купить прямо в фирме, или заказать по телефону, или даже через Интернет.

Медик подождал, чтобы лейтенант дописал фразу. Воспользовавшись этим, я задал еще один вопрос:

— Нужны ли особые навыки, чтобы управляться с этими пилами?

— Да нет, следует только разумно одеться, потому что, если режут по живому, особенно там, где широкие, как реки, артерии, кровь брызжет фонтаном...

Перо в руках Сиберски замерло.

Я сухо приказал:

— Не ждите его! Продолжайте, доктор!

Ван де Вельд склонился над трупом, и его тень, точно рука привидения, распласталась на плиточном полу.

— Сухость ее слюнных желез свидетельствует о значительной атрофии, что указывает на многочасовое аномальное слюноотделение. На резцах я обнаружил следы полимеров красного цвета, а слюна стекала на пол и по ее губам на шею. Видимо, чтобы заставить ее держать рот открытым и помешать шевелить языком, то есть нормально сглатывать, он что-то вставил ей в рот, какой-то пластмассовый предмет.

— Кляп?

— Разумеется. Однако особый кляп. Тряпки, лейкопластырь не вызывают слюноотделения. Изучать следует...

¹ Международная компания, начала свою деятельность в 1887 г. Является одним из крупнейших в Европе производителей оборудования и продукции, предназначенных для моргов, судебной медицины. А также выпускает средства гигиены, которые относятся к данной области.

Тилье Ф.

Адекий поезд для Красного Ангела : триллер / Франк Тилье ; пер. с фр. М. Брусовани. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-14884-0

В окрестностях Парижа обнаружен труп молодой женщины. Убийца расправился со своей жертвой столь странным способом, что полицейские приходят к выводу, что за этим убийством кроется какая-то тайна. Расследование поручается опытному сыщику Франку Шарко. К тому же ему помогает Элизабет Вильямс, специалист по психологии преступников. Поиски заходят в тупик. Недаром соседке комиссара в видениях является некий человек без лица.

Убийства множатся. Каждый раз человек без лица на полшага опережает своих преследователей.

Но Шарко принимает брошенный ему вызов.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
АДСКИЙ ПОЕЗД
ДЛЯ КРАСНОГО АНГЕЛА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: info@machan.kiev.ua
Отмечается в соответствии с предоставленными материалами
и ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Бороздино-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

7-880-23244-06-9